

СВЕРДЛОВСК И СВЕРДЛОВЧАНЕ

ФУЭТЕ НА ЗЕМНОМ ШАРЕ

ОНА родилась в Свердловске. Мама... (она и сейчас говорит только «мама», никогда — «мать») мама работала в сберкассе контролером, потом — кладовщицей на фабрике «Уралобувь»; отец был на партийной работе. В Кудымкаре устанавливал Советскую власть, в Отечественную был политруком, вернулся контуженным. Словом, биография — обыкновенная, как у всех. И вообще она не любит, когда ее спрашивают, говорят о ней...

Хотела ли она стать балериной? Было желание. А родители не хотели: что за профессия — дрыгать ногами. Девочки-подружки свели во Дворец пионеров, к Ольге Федотовне Щадных в хореографический кружок. Щадных заметила способности. Через год ездила в Пермь, договорилась, что там посмотрят Нину и еще одну девочку. Вот так и началось. Собрала чемодан — маленькая пигалица с большущим чемоданом — и отправилась в Пермь.

Мать провожала на вокзал. «Мама, только не плачь. А то я не уеду», — утешала ее Нина, а у самой дрожали плечи. Приехала в Пермь, там уже ученые начались. Екатерина Николаевна индивидуально посмотрела ее у себя дома. Екатерина Николаевна Гайденрейх — бывшая балерина Маринки, основательница училища в Перми. Нина «выпускалась» у нее. «Все, что во мне было от школы, — от нее, Екатерины Николаевны», — скажет потом балерина Меновщикова.

Ленинградская академическая школа — высокая культуры, школа Вагановой, — откуда она взялась на Урале? Война привела ее в Пермь. Старая пословица гласит: когда грохочут пушки, музы молчат... Врут старые поговорки! Не замерла культурная жизнь Советской страны с нашествием фашистов, приобрела качественно другое значение, особый патристический настрой.

В 1945 году хореографическая студия Пермского театра оперы и балета была преобразована в училище. Педагоги сами предпринимали выезды в различные районы Урала, где находили одаренных детей, там на месте просматривали желающих поступить в училище. А иногда настоящие самородки являлись сами сюда — незванные, но всегда жданные, желаемые...

Училище она окончила в 1953 году. После — театр в Перми. Начала с кордебалета (убеждалась, нужно начинать с него). С 1956-го — в Свердловске.

Интересно слушать ее рассуждения о себе — это уже теперь, когда минули годы и она стала другой. «Очень воображала о се-

бе, всю жизнь... И тем не менее похвалы (статьи) раздражали. Знаете, так со всеми: когда-нибудь спадает пелена с глаз, и увидят. Все, как есть».

«Самое страшное — самообман. Но теперь, к счастью, прошло... Все достигнуто? Нет! Разве можно достичь всего! Неумные, страшные люди, кто верит этому. Сомнения остаются, они всегда есть, если человек хочет чего-то достичь, совершенствоваться. Скажите, я не права?»

Говорить о себе она не любит, говорит редко и неохотно. Сегодня — как исповедь...

Газеты писали: «В главной роли выступила народная артистка РСФСР Н. Меновщикова, ведущая солистка труппы. Тонко чувствуя музыку Чайковского и творчески интерпретируя традиции своих предшественниц — Одетты Кшесинской, Улановой, Лепешинской, Плисецкой, балерина создает свой, лирически прониженный образ героини».

«О таланте Меновщиконой нельзя писать, что он «подарок судьбы». Труд, труд и еще раз труд...»

«Меновщикова не просто музыкальна: когда смотришь ее выступление, кажется, что музыка звучит не только в оркестре, но... рождается из движения рук ее».

Утверждали, что она не сможет быть Одиллией. Станцевала и Одиллию. В. И. Намкин — в прошлом сам солист балета, позднее репетитор-режиссер и постановщик спектаклей, — заметил в ней то, чего не разглядели другие, и предложил взяться за партию Одилии. Но это уже было после болезни...

Все существующее может стать музыкой и может быть выражено в танце, пантомиме — вот ее девиз. Искусство танца — синтетическое искусство, и возможности его едва ли не безграничны. Французский поэт Жан Кокто однажды сказал: «Артист может открыть потайную дверь, так никогда и не понимая, что за нею скрывается целый мир». Открыть эту дверь! Открыть — и понять...

Что значит эта «дверь», как она открывается и сколь сладостно чувство, переживаемое при этом, ей довелось испытать в поездке за границу.

В АРТИСТИЧЕСКУЮ группу, а точнее группы, отправлявшиеся в зарубежное турне, входили Блосмертнова, Сорокина и Владимирова — из Большого театра, Калиновская из Киева, все — народные, и она — скромная и всегда строго оценивающая себя представительница искусства Урала.

Финляндия, Ирландия, Испания, Франция, Югославия, Италия, Польша, ГДР, Швеция, Норвегия, Дания... За непродолжительный срок, какие-то полтора-два года, ей суждено было увидеть и обаять чуть ли не всю Европу, а в заключение — Японию.

Ирландия. Здесь они были первыми советскими артистами. Вионир Круглов, ее партнер, и она, да еще переводчик. Настороженно настроенная страна, народ, почти ничего не знающий о Советском Союзе. Репертеры в гостинице одолевали — интересовали вопросы: почему брюки без обшлагов? сколько получаете?

Театр «Олимпия» — старенькое здание. Импресарио был разозлен, что прислали не Стручкову (просили Стручкову), а какую-то туземку с большими испуганными глазами. Пришел на репетицию, когда они повторяли партию из «Корсара». Нот для оркестра не оказалось, репетировали под рояль. «А мы — темп! Круглов — поддержки! Такие поддержки, такой темп! Импресарио за голову схватился, глаза заблестели, руки потирает. За одну ночь разыскали оркестровку «Корсара», с эстрадными эффектами! На другой день репетиция шла с оркестром, дирижер — англичанин. Тридцать два фуэте заставил сделать три раза, якобы не ладилось с оркестром. Тоже фрунт!»

Оттанцевали «Лебединое», на другой вечер — «Корсар». Ирландцы не видели таких поддержек — Круглов тоже был в ударе. Импресарио предупредил: будет бис, повторите на бис. Круглов так подкинул, что она взвизгнула. Зрительный зал взорвался, орали, топали, думала, старенькое здание развалится. Из театра несли почти на руках.

А теперь о болезни. Опасность всегда поджидает артиста. Если у певца может пропасть голос (самое страшное, что с ним может случиться, кроме физической смерти, разумеется), то у балерины...

В Днепропетровске, на гастролях, вдруг — разрыв связок. Во втором акте «Пер Гюнта», когда все было исполнено, на маленьком прыжочке — разрыв. Пронзила острая боль, вскрикнула громче оркестра, Ильченко унес на руках. Три месяца была в гипсе. Потянулись какие-то невыразимо тягостные, бесконечно долгие, черные дни...

Привязалась ангина; изменился режим — осложнение на сердце, прибавила в весе. Много месяцев пролежала в больнице. Год не танцевала. Лечилась — а все хуже и хуже. С трудом передвигалась. А чтоб по лестнице — ни-ни, и думать не смей. Это ей-то, балерине! Намекали, что придется менять профессию... — Ну, и как же?

— Однажды махнула рукой на все и пошла в класс. И начала выздоравливать. И вернулась на сцену.

В РЕДКИЕ часы досуга (есть ли они у нее? Актриса, жена, мать — на все требуются силы, время! Заметим в скобках, что она и отменная хозяйка, и принять и угостить умеет)... да, так порой она размышляет (опять этот проклятый самоанализ, раскладка по полочкам самой себя!) — что есть актриса? Как в спорте нет потолка, предела, так и в искусстве танца... А коли нет предела, вершина неведома и недоступна, — может ли она сказать, что добилась того, куда уносилась мечтой?

Мы еще не сказали, что Н. И. Меновщикова — парт-орг театра. В 1965 году она была принята в члены КПСС. В 1976 году ее избрали секретарем бюро партийной организации театра.

— В нашем рабочем городе, — говорит она, — год от года растет число образованных людей. Но образованный — это еще не значит высококультурный человек. Сколько им, образованным, не хватает подчас доброго, внимательного сердца, элементарной человеческой отзывчивости. Эти качества, как правило, прививаются еще в семье. Но большую роль в их формировании играет также театр. Как работник искусства я мечтаю о таком, времени, когда вечерняя жизнь Свердловска в основном будет сосредоточена в театрах и других очагах культуры. Если зал пустой, это также свидетельство того, что в воспитании людей были допущены просчеты.

В 1973 году, к 250-летию Свердловска, Нина Ивановна Меновщикова была удостоена звания народной артистки СССР, и это она рассматривает как обязательство быть еще активной, еще требовательнее, выше нести знамя родного искусства.

— Доброе утро, девочки. Как самочувствие? Оля, почему у тебя кислое выражение? Веселее, веселее! В здоровом теле здоровый дух. Хорошее настроение — лучше тренировки...

— Встали. Раз-два, начали... А ну, еще разок! На носочках! Изящнее! Тоньше! Корпус держать!...

— Помните, на сцене нужно не танцевать, а жить... — Спасибо. Вот так! Спасибо, друзья...

Педагог-репетитор. Это она, Нина Ивановна Меновщикова. Тяжелая штука — выходить на пенсию. Короток век балерины. Столько трудов, такое напряжение — и вот, уже... «Ой, кто же это сказал: «Именно в репетиционном зале, где воздух густ и горяч от дыханий, обнажаются мели «материальности» личности, знаки искажения, капитуляции, еще не различимые

для внешней славы». До чего точно сказано. Именно, именно! А что должен в этой ситуации делать репетитор? Воля у него на шестьдесят человек быть должна...

Звонок по телефону. Муж отвечает: — Нины Ивановны нет дома. У нее сегодня спектакль.

— Как спектакль? Она же на пенсии?!

— А вот, представьте, танцует...

«Спартак» срывался: заболела актриса. Аншлаги. Надо выручать. Пошла танцевать Фригию, изменила гримом лицо, в программе — ни-ни, ни звука о ней.

...Звезды не могут быть неподвижны, постоянно находиться на одном месте... Неизбежен и предопределен их путь по небосводу. Они несут свой свет дальше и дальше...

...Некоторое время мы не виделись. Полной неожиданностью было узнать: Нина Ивановна в Хельсинки, в финской Национальной опере, уже с лета 1979 года. Обучает финские молодые таланты искусству русского классического танца. Пользуется огромным авторитетом — каждый ее урок заканчивается аплодисментами.

В мае восьмидесятого она приехала в Свердловск, навестила дом и близких.

— Нравится эта работа? — Очень нравится.

Улыбнулась счастливой детской улыбкой.

— В отпуск провожала вся труппа. Пришли на вокзал с подарками. Кто съел бутерброд, кто цветы... Слезы и заверения в любви и дружбе... Все так хорошо, чистосердечно!

Теперь она снова уезжает в Финляндию — пригласили работать на следующий сезон.

РУССКИЙ балет — он шагает по планете. — А ну, быстро! Раз-два, начали... Энергичней! Легче!

— Тридцать два оборота. Кто больше? Грაციознее? Стремительнее? Воздушнее? Это же русский балет, помните всегда!

Странно — жизнь — как будто ступени невидимой лестницы, поднялся на одну, танет на другую, третью. Дойдешь ли до вершины, не сорвешься ли, хватит ли сил, упорства, способности, таланта, наконец?.. Раз-два, продолжаем! Продолжаем, друзья!

Б. РЯБИНИН, писатель.